Башни

Мария Мызникова

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Все мы любим башни — высокие, стройные, красивые башни, из чьих окон видны горизонты неизведанных земель, за которыми следует океан и все чудеса света. Так уж повелось, что многих из нас в этих башнях буквально-таки запирают, иногда позволяя выходить на свободу. На пару деньков, не больше. Ну, во всяком случае, не больше, чем на жизнь, это точно.

- Мария Мызникова
  ○

Мария Мызникова
Башни

Все мы любим башни — высокие, стройные, красивые башни, из чьих окон видны горизонты неизведанных земель, за которыми следует океан и все чудеса света. Так уж повелось, что многих из нас в этих башнях буквально-таки запирают, иногда позволяя выходить на свободу. На пару деньков, не больше. Ну, во всяком случае, не больше, чем на жизнь, это точно.

Запирают со словами: ты можешь выйти когда хочешь. Только куда пойдешь, куда?

Так вот, и её тоже заперли, спешу вам сообщить. Да-да, не так давно её тоже привели сюда, посадили на стул перед дамским трюмо и велели заняться делом. Не велика наука, да только ведь время нужно… И прекрасный принц где-то там, на свободе. Это обязательно, без принца никуда.

А у неё вот не было принца. Не успелось как-то приобрести, всё не до того было, балы всякие, да и разговоры с подружками — тоже отвлекает, всё недосуг принцев искать. Тут больше полемика, научная, между прочим. Разумеется, сплошное теоретизирование, но что уж тут поделаешь, на то она и молодость.

Всё это замечательно, но дела не меняло. Принца за окнами башни не было, не было, и кидать бумажные самолётики с любовными посланиями в окно было некому. Да и кому они вообще нужны, эти самолётики. В общем, полная трагедия, впору было сидеть и плакать.

Она уже было собралась заняться этим благородным делом (то есть: сидеть и плакать), да черный ворон отвлек. Взял, влетел в окошко себе, как домой.

— Между прочим, это я тут живу, и жил всегда, а тебя сюда просто-напросто подселили, как содержанку, — невозмутимым тоном сообщил он, приступая к чистке перышек. Да-да, черные вороны тоже этим занимаются, не сомневайтесь.

— Что-о-о-о?! — возмутилась принцесса. — Это я-то содержанка?! Экий ты бессовестный. У меня даже принца в свободных землях нет, ни одного, и не выйти мне отсюда никогда, потому что никому-то я, бедняжка, умница да красавица, не нужна, и никто меня спасать-вытаскивать из этой башни не припрется на белом коне, да ни на каком коне никто не припрется, делать им всем нечего! А ты еще и ругаешься на меня, совершенно стыд потерял, все вы такие, нет бы пожалеть да

посочувствовать чужому горю, а вы…

Прервав свой чудесный монолог высмаркиванием носа и вытиранием слез, принцесса перестала обращать на ворона всякое внимание. А ворон с некой долей любопытства поизучал принцессу, пожал крылами да и давай продолжать чистить перышки.

— И что, ты до сих пор мне не сочувствуешь? — подозрительно спросила принцесса через полчаса, прищурив левый глаз, совсем как ее мать-колдунья (вообще-то ее мать была цыганкой, и никакой не королевой, но когда королева рожала дочь, ребенок был настолько круглый, что взял да и укатился в свободные земли, и король, недолго думая, заменил одну свою дочь другой, невелика разница!).

— Ну почему же, — снисходительно ответил ворон. — Сочувствую.

Принцесса как-то даже нахмурилась.

— Тебе не положено молчать. Ты мне советы должен давать, вот что.

Ворон удивленно на нее покосился.

— Ты какой-то неправильный ворон! Чего ты тут вообще делаешь? — как-то растерянно пробормотала девушка себе под нос, озадаченно пялясь на птицу. Ворон сменил удивленный взгляд на скептический и не без доли иронии повторил:

— Я здесь живу, кхм, как я уже тебе сказал. Причем давно.

— Насколько давно? — с живым любопытством осведомилась принцесса. — Очень?

— Очень давно, — подтвердил он.

— А я тогда родилась уже, когда ты стал здесь жить?

— Думаю, нет.

— А, ну тогда действительно давно. А почему ты еще не умер?

— Потому что я только в самом расцвете сил, а в расцвете сил вообще-то не положено умирать, — невозмутимо ответствовал пернатый собеседник. Перышки были уже почти чистыми, оставалось вот тут еще чуть-чуть, да, вот так…

— А ты не улетишь?

— Ну, если только на время — полетать, крылья поразмять.

— И что, я тут одна буду сидеть?

— Ну, посему выходит, что так.

— А потом ты вернешься, да?

— Непременно.

— И будешь тут сидеть?

— В зависимости от настроения.

— Ну ладно. Ну и сиди тут, раз такой скуш-ш-шный, —

протянула принцесса, разочаровавшись в собеседнике. Она подошла к окну и принялась печально взирать на неведомые дали, вызывающие у нее в душе смесь причудливо переплетенных чувств и эмоций.

Ворон промолчал.

— Как бы я хотела уйти отсюда обратно, — тоскливо промолвила девушка, — как же мне здесь не нравится! И принца нет.

— Хочешь, я тебя выпущу? — предложил ворон.

— Как? — глаза девушки округлились. — Совсем отпустишь? Вообще навсегда? На свободу? К принцам?

— Ну да.

Лицо принцессы озарилось счастливой улыбкой.

Ворон указал ей клювом на лестницу, его недолговременная заложница с радостным криком сбежала по ней вниз, выбежала из башни и понеслась ломать каблуки королевских туфель по полям да буреломам. С географией у принцессы явно было туговато, поэтому ворон уже прикидывал, через сколько разочарованная особа королевской крови вернется обратно, с ветками в волосах, болотной водой за шиворотом и мхом на платье. По всему выходило, что ближе к закату, так что у него было предостаточно времени, чтобы отдохнуть.

Ворон щелкнул клювом, превратился в красивого молодого принца в черном плаще, налил себе чашечку кофе и расслабился в кресле с хорошей книгой в руках. Ему предстоял долгий процесс воспитания глупой девчонки, и он уже морально готовился. В библиотеке внизу пылились учебники и классическая литература, оставалось только подождать пару месяцев или лет, когда же этой несносной принцессе захочется что-нибудь почитать. Нельзя же заставлять ребенка, в самом деле…

Бумага для самолётиков, перо и чернила он приготовил заранее — в определенный момент принцессам хочется верить, что если они напишут какую-нибудь особенно гениальную глупость и пошлют ее в недолгий полёт, приближая написанные буквы к неведомым далям, то принц непременно явится и спасёт.

Да, принц — распространённое наваждение, подумал мужчина в черном, делая глоток кофе и вытягивая уставшие после полёта ноги. Но, в конце концов, пусть себе стремятся в свои дали к неизвестному, пусть себе любят придуманных принцев — так даже забавнее. Всё равно за пределами башни им некуда, некуда идти, потому что — и это знал только он один и хранил ото всех в тайне — потому что нет там ничего и никого, только ветер, леса-буреломы и океан.

Зато в один прекрасный день они научатся превращаться в

птиц и улетят, улетят в свои неведомые дали, полные чудес. Собственно, ради этого всё и задумывалось — все эти башни, самолётики и прочая ненужная ерунда. Только ради этого.